

Танкер «Дербент»: Остров Чечен -3

Category: Kitarcy, Powestler

написано kitarcy | 24 января, 2025

Танкер "Дербент": Остров Чечен -3 3.

День прошел, похожий на другие дни в море, истек незаметно, раздробленный на четырехчасовые отрезки вахт. В открытом море еще не улеглась мертвая зыбь. По склонам волн катилось отраженное солнце. На корме поскрипывал буксирный трос, и за ней в пенную полосу вступал высокий нос «Узбекистана», и мачты его чернели на фоне голубого неба. К нему как-то скоро привыкли на «Дербенте», словно тащился он позади уже давно и не было на нем ни людей, ни горючего груза, а были только мачты, ржавый остов да белые надстройки. А вечером, когда стемнело и зажглись по каютам огни, его не стало совсем. Только уходил в темноту звенящий буксирный трос и на конце его висела гирлянда огней, а под ней на самом дне моря колыхались зыбкие огненные цепочки, и невидимые волны рвали их, набегая, но они срастались опять, снова рвались в клочья – и так без конца.

На эти-то блестящие цепочки и засмотрелся штурман Касацкий, стоя на вахте в глухую полночь. Он поставил локти на перила мостика, запахнул тулуп и затих. Далеко за кормой извивались золотые змейки, и он следил за ними очень пристально и все не мог оторваться, хотя это созерцание было почему-то неприятно. Он обрадовался, когда внизу раздались голоса, и он перегнулся насколько возможно через перила, прислушиваясь.

– Здесь остров должен быть. Какой это?

– Чечен-остров.

– Ишь ты, Чечен. Да ты небось все море знаешь?

– А то как же! Сызмальства здесь плаваю.

Отвечал высокий тенорок боцмана, спрашивал хрипловатый, насмешливый голос.

«Хрулев, должно быть», – догадался Касацкий.

– Дядя Харитон...

– Ась?

– А где ты вчера был, когда мы мотор на палубе покрыли? Уж мы тебя искали, искали!

– Не помню, парень... Верно, дело какое было. Не помню.

– Залив-а-а-ешь! Гусейн сказывал, что ты на кухню забрался. Мертвым жуком притворился, значит? Ай да боцман!

– Врет он все... Грубиян он, обидчик!

– Верно, что грубиян. А все-таки?

– Да ведь кому охота тонуть-то, хе-хе. Старик я...

– То-то. А мне пришлось отдуваться. Его вчера чуть за борт не смыло, Гусейна-то, – добавил Хрулев, как бы вспомнив приятное. Касацкий слушал с застывшей улыбкой, выставив из мохнатого воротника белое тонкое ухо. Но разговор кончился.

– Так! – вполголоса удовлетворенно сказал Касацкий. – Остров Чечен миновали. Надо засечку сделать...

Он вошел в рубку, зажмурил глаза от света и потянулся, выгибая спину, как сытый кот. Когда он наклонился над картой, где-то снаружи раздался долгий тяжелый звук, словно ударили молотком в железный лист, и тотчас же пронзительно вскрикнул на мостике Хрулев и распахнул дверь рубки.

– Ты что? – обернулся Касацкий. – Муха укусила?

Он увидел побледневшее, с разинутым ртом лицо Хрулева и прыгнул к двери. За кормой, в том месте, где до этого сверкали гирлянды огней, поднимался, качаясь, султан багрового дыма и сквозь него проступали мачты и переплеты снастей «Узбекистана», освещенные розовым светом. Касацкий подбежал уже к трапу, но вдруг остановился как вкопанный, покусывая пальцы. Перед ним опять появилось белое безглазое лицо матроса и хрипло заголосило:

– Помоги-и-и-те!

– Молчать! – крикнул Касацкий визгливым голосом. – Молчать и слушать команду! – Он затопал ногами и, схватив матроса за ворот рубашки, притянул его к себе. – Извольте успокоиться и слушать. Нужно обрубить буксир... Немедленно долой его, в воду... Понял? Ну, живо!

– Топор надо, – забормотал Хрулев, приседая. – Есть обрубить!

Касацкий оттолкнул матроса и скатился по трапу. Сзади мчался Хрулев, тяжело дыша и причитая;

– Сейчас, сейчас... ох, милые, голубчики, сейчас!

– Топор-то где? – спросил Касацкий, не замедляя бега. – Слышите, вы?

– В ящике пожарном есть, – простонал Хрулев, – сейчас достану... Ох, скорее!

Воздух всколыхнул гулкой удар взрыва, и за кормой вырос новый огненно-черный гриб дыма, посыпанный блестками искр. Торопливо забарабанил судовой колокол «Узбекистана», но тотчас оборвался и затих. На палубу выскочил Догайло. Он волочил спасательный круг, тыкаясь во все стороны, как слепой, и спотыкаясь. Наткнулся на люк и громко вскрикнул:

– Ай!

Сверху прыгнул Хрулев и схватил его за руку.

– Дядя Харитон, давай топор скорее. Миленький, пропадаем!

– Топор? – лепетал Догайло оторопело. – Ни к чему теперь топор. Круги спасательные надо.

– Я тебя пришибу! – зарычал Хрулев. – Давай зараз топор, черт старый!

Догайло попятился, уронил спасательный круг, и оба исчезли из дрожащей полосы света, падавшей из-за кормы. Через минуту на освещенное место вынесся Хрулев с закинутым за плечо топором. Он взобрался на корму с удивительной быстротой, широко раскрывая рот от одышки. На палубе Догайло искал брошенный им спасательный круг, тихонько стонал и крестился. Наконец он нашел его и принялся надевать через голову, прислушиваясь к стуку топора, доносившемуся с юта. Когда дрогнуло судно, освобожденное от буксира, он шатнулся и сел на палубе, зажмурив глаза. На освещенное место выбежал Касацкий и наткнулся на боцмана.

– Есть! Целы! – сказал Касацкий, улыбаясь дрожащей, вымученной улыбкой. – Брось свою баранку, старик, буди капитана!

В это время из двери машинного отделения вышел Гусейн и остановился на переходном мостике, прислушиваясь.

– Буксир лопнул! – крикнул он, увидев людей на палубе. – Остановиться надо, товарищ помощник.

– Идите обратно! – закричал Касацкий. – Все в порядке, говорю вам. Ступай назад!

Но Гусейн вдруг отбежал подальше, и в глазах его блеснул отраженный розовый свет.

– Где капитан? – крикнул он, дико озираясь. – Эй вы там!.. Горит ведь!

– Идите назад! – завизжал Касацкий, исступленно топая ногами.

– За неисполнение приказа в момент аварии... под суд!

Гусейн уже не смотрел на палубу и не слушал помощника.. Он постоял несколько секунд, соображая, и вдруг бросился на спардек, взобрался по трапу на штурманский мостик и скрылся.

– Это он сиреной шумнуть задумал, – догадался Хрулев, – эх, перебудит он всех, Олег Сергеевич. Кабы не заставили воротиться.

На мгновение как будто потемнело вокруг и погасли блики на черной воде, но тотчас взвилось из-за кормы золотое облако искр, вспыхнуло и побагровело небо.

И, словно обожженный полыхающим заревом, оглушительно заревел «Дербент» в темноту.

Басов лежал на койке одетый, раскинув босые ноги и задрав кверху подбородок, точно сраженный на месте пульей. Что-то беспокоило его сквозь неплотно прикрытые веки, и ему казалось, что наступило утро и встает розовое солнце, а над самым ухом ревет что-то долгим, протяжным ревом и сотрясаются переборки каюты. Наполовину проснувшись, он повернулся на бок, потому что красные лучи солнца пробрались сквозь ресницы и защекотали зрачки. Рев оборвался, и в наступившей тишине ему послышались крики, но он все еще не двигался, медленно соображая, почему так хочется спать, когда наступило утро, и почему не разбудили его на вахту, как он просил. Он услышал, как распахнулась дверь, кто-то ворвался в каюту и с разбегу наткнулся на стул. И тогда, открыв глаза, он понял, что светит вовсе не солнце, и увидел склоненное над ним лицо Гусейна, который хочет его напугать, – так показалось ему.

– Какой час? – спросил он, сонно улыбаясь и нащупывая выключатель. – Ты что сказал, Мустафа?

– Я говорю, на «Узбекистане» пожар, – сказал Гусейн,

встряхивая его за плечо. – Вставай скорее!

Басов повернул выключатель и сел на койке.

– Врешь! – крикнул он во весь голос. – Не может быть!

При свете электрической лампочки его странно поразили не слова Гусейна, а его лицо, то знакомое выражение тупого и угнетенного отчаяния, какое было на лице у Мустафы во время первых позорных рейсов.

– Что только делают, сволочи! – сказал Гусейн глухо. – Теперь уже все пропало... амба...

– Спокойно, Мустафа. – Басов натянул сапоги и выскочил в коридор, на ходу застегивая пуговицы бушлата. – Кто это кричит? – спросил он, прислушиваясь.

– Ребята собрались на спардеке. Требуют, чтобы вернуться.

Они миновали коридор и вышли на грузовую палубу. Басов остановился и поднял руки к вискам.

– Что это? – спросил он шепотом. – Да что же тут делается, Мустафа?

Далеко позади клубилось облако дыма, и в нем, как раскаленный уголь, горела ослепительная малиновая сердцевина, выбрасывая сверху снопы золотых искр,

– Обрубили буксир и уходят, – проговорил Гусейн с отчаянием. – Я дал гудок, но меня прогнали... Послушай, делай же что-нибудь! Есть еще время. Неужели так и уйдем, Саша?

Он взгляделся в лицо механика и вдруг отчетливо понял, что Басов так же бессилён, как и он сам, потому что подчиняется капитану и не волен повернуть судно, а если он будет настаивать, ему пригрозят судом и прогонят, как прогнали Гусейна.

Но Басов как-то вдруг успокоился и посмотрел назад, словно измеряя глазами расстояние до горящего судна. Неожиданно он повернулся и молча зашагал к трапу. И так же молча, уже ни о чем не думая, двинулся за ним Гусейн.

На спардеке люди пугливо озирались, не узнавая друг друга при мерцающем свете пожара. Голоса то раздавались вперемежку, заглушая друг друга, то снижались до шепота, и тогда становилось слышным каждое громко сказанное слово, и все вдруг оглядывались на говорившего, словно ожидая приказа, чтобы

действовать.

На штурманском мостике у подхода к трапу виднелась высокая фигура Касацкого. Он стоял неподвижно и только изредка медленно поворачивал голову, когда усиливался шум внизу. Рядом с ним у самых перил прикорнула согнутая грузная фигура капитана. Он непрерывно двигался, проделывая массу мелких ненужных движений. Как бы от холода, он двигал плечами и принимался застегивать пуговицы кителя, но тотчас оставлял их и вертел головой, глядя то на горящее судно, то вниз, на спардек, вздыхая и ломая пальцы.

На спардеке слесарь Якубов, взволнованный и красный, вытирал платком мокрое лицо, и глаза его казались выпуклыми от наворачнувшихся слез...

– Пускай они спустятся сюда! – кричал он вне себя от гнева. – Пускай объяснят: почему уходим? Предсудкома, заставь их объяснить!

– Разговоры в сторону! – проскрипел Котельников, с ненавистью взглядывая на мостик. – Надо заставить их вернуться.

– Капитана сюда! – крикнул кто-то.

– Да здесь он, капитан.

– Где?

– Вон у перил корежится.

Наступила короткая тишина. Люди теснились у трапа, разглядывали неясную фигуру на мостике, на минуту забыв о пожаре, охваченные болезненным любопытством.

– А мальчонка-то горит небось, – раздался в тишине жалобный голос Догайло. – Мальчонка, радист, ведь горит он, братцы, горит!

– Вернуться! – яростно крикнул Котельников, выкатывая глаза, и сразу неистовым криком взорвался спардек:

– Капитана сюда!

– Капи-та-на!

– Людей спасти надо! Слышите, вы!

– Арестовать их!

– Помполита сюда!

– Очумел ты, что ли? Вместо него механик. Нет давно помполита.

– Что только делают, прохвосты! Шлюпки спускать надо... Что они

делают, товарищи?

– Об чем разговор? – заорал Хрулев, протискиваясь в толпе. – Гореть захотели? Ветер искры носит, а у нас разве не тот же груз? Бараны! – Он по-хозяйски расталкивал матросов и, проходя мимо слесаря, бросил с угрозой: – А ты потише. За срыв дисциплины знаешь что бывает? То-то!

Неожиданно он увидел Басова, появившегося из-за угла, и тотчас же торопливо посторонился, притиснув кого-то спиной к борту. Как-то сразу наступила тишина, люди расступались, давая дорогу, и в образовавшемся проходе быстро шел Басов, глядя прямо на капитанский мостик, словно прицеливаясь, и за ним по пятам двигалась огромная фигура Гусейна. Навстречу им кинулся Володя Макаров, бледный, задыхающийся от волнения.

– Валька Ластик еще там, я слышу его сигналы! – крикнул он как полоумный, хватая Басова за руку. – Я не могу слушать. Трусы мы или...

Басов оттолкнул радиста и взбежал на мостик. За ним сразу, бросилось несколько человек, и вся толпа молча хлынула к трапу.

– Эт-то что такое! – закричал Касацкий. – Потрудитесь вернуться назад. Евгений Степанович, прекратите безобразие, я не могу работать...

Он отступил от трапа, пропуская Басова, но тотчас же забежал вперед и загородил дорогу в рубку. Они остановились друг перед другом, тяжело переводя дыхание, как два борца, готовые сцепиться.

– Это вы обрубите буксир? – спросил Басов тихо. – Почему вы уходите?

– Не ваше дело, – так же тихо ответил Касацкий, – здесь распоряжается капитан...

Вокруг них быстро сомкнулось молчаливое кольцо людей, так же прерывисто, тяжело дышащих.

«Сейчас я ударю его», – подумал Басов, пристально глядя в белую переносицу помощника и машинально отводя руку.

Из-за его плеча выдвинулась голова Гусейна с оскаленными зубами и еще другие лица, не узнаваемые при слабом свете зарева.

– Бей его, Мустафа, – хрипнул позади слесарь Якубов. – Не бойсь, бей с маху... На-ка зубило-то!

Толпа вокруг сгрудилась и глухо загудела, словно подхваченная вихрем надвигающегося возмущения. Сзади теснили, заставляя Басова касаться груди помощника. Он опомнился и опустил руку.

– Спокойно, товарищи! – крикнул он, работая локтями. – Лишние долой с мостика! Сейчас вернемся и подберем людей с «Узбекистана». А ну, разойтись!

Он почувствовал, как за его спиной отвалилась жаркая груда тел, и заорал изо всей силы, срывая голос:

– Слушай мою команду! Очистить мостик! Второго штурмана и донкермана ко мне. Подготовить шлюпки к спуску и... спокойно, ребята!

– Вы не имеете права, – возвысил голос Касацкий. – Здесь распоряжается капитан... На меня замахнулись. Все видели...

Люди, подошедшие к трапу, остановились в нерешительности. Басов приблизился к неподвижной фигуре капитана, склонившегося у перил.

– Евгений Степанович, – позвал он настойчиво. – Надо вернуться, там люди горят. Ну-ну, успокойтесь же, слушайте!

Капитан отнял руки от лица и жадно взглянул вокруг, словно надеясь, что багровое небо, вой сирены и крики – все это только померещилось ему. Он увидел розовые отблески на стеклах рубки и схватился за воротник дрожащими пальцами.

– Я не знаю, дружок, я ничего не знаю! – воскликнул он жалобно. – О боже мой, боже мой! Ну, что вы хотите?

– Не знаешь? – бешено заревел Гусейн, расталкивая людей, чтобы получше разглядеть капитана. – Ты не знаешь? Должен знать, если ты командир, а не какая-нибудь...

Он не договорил и метнулся к рубке. За ним бросилось несколько человек, и остальные опять решительно двинулись к трапам.

– Вы губите себя, Евгений Степанович, – сказал Басов, силясь приподнять капитана. – Мы оба пойдем под суд, если те люди погибнут. Ну-ка, обопритесь на меня.

В рубке Гусейн оттолкнул плечом рулевого, и тот, шатнувшись к стене, забормотал:

– Брось... Эй брось, говорю! Ответишь...

– И отвечу, отвечу, браток, – говорил Гусейн, расставляя локти и поворачивая штурвал, – не беспокойся, отве-ечу!

Басов тащил капитана к рубке, поддерживая его под руку.

– Так вы говорите, вернуться? – спрашивал Евгений Степанович.

– Я что-то уж ничего не соображаю, голубчик... Делайте все что надо, пока я не приду в себя. Вы же видите, я совсем болен!

Золотое облако выкатилось из-за кормы и поплыло с левой стороны корабля, описывая гигантскую дугу, и море за бортом заискрилось огненными бликами.

– Ах! – сказал Евгений Степанович, закрывая глаза. – Право, я умру здесь с вами... Мне плохо, пустите меня.

Он прижал руки к груди и сел на ступеньку трапа. Сердце его бешено колотилось, и все тело как бы расплзлось, терзаемое противной дрожью. Он ненавидел в эту минуту свое дрожащее, потное тело и прерывистый голос. Кто-то промчался мимо, нечаянно задев его полой бушлата по лицу. Он отвернулся и подумал, что напрасно цепляется за жизнь и что самое лучшее теперь было бы перестать существовать. Но в следующий момент ощутил сквозь закрытые веки трепетание красного света, который приближался и разгорался все ярче, и задохнулся от сердечной тоски.

– Александр Иванович, – позвал он тихо. – Ведь красноводский мазут в трюмах... Боже мой!

– Открыть повсюду водяные краны! – кричал Басов, подталкивая матросов к трапу. – Второму штурма ну следить за курсом. Эй, боцман, станешь у кислотных батарей. При появлении огня действуй по инструкции. Краны, краны открыть!

Возле рулевого стоял теперь штурман Алявдин с сосредоточенным бледным лицом, и видно было, что он волнуется, но старается быть четким и спокойным и все-таки доволен представившимся ему испытанием.

– Лево немного! – крикнул он, ободряясь от звука собственного голоса. – Еще немного... Так держать!

Огненное зарево описало полукружие, и порозовели пласты пены вокруг бортов. В том месте, куда устремлялся корабль, дрожащее багровое небо делил пополам желтый столб дыма, изгибавшийся, как дерево, под ветром, и у подножия его ползли по воде

блестящие огненные, корни.

– Никакой опасности нет, уверяю вас, – сказал Басов, подходя к капитану. – Ну, вот вы оправались как будто... Сейчас придется спустить шлюпки, – прибавил он, отворачиваясь, и было непонятно: просил он разрешения или приказывал.

«Теперь уж скоро, – подумал Евгений Степанович, – подходим к подветренной стороне... Он делает все как надо, ему подчиняются все, даже Алявдин. Только бы он не растерялся».

Впереди с правой стороны показалось горящее судно, разметавшее по воде клочья дыма и поднявшее кверху острый нос, не тронутый огнем. Вода вокруг горящего судна была покрыта язычками огня, проворно взбиравшимися на черные гребни волн.

«Нефть горит на воде, разлилась и горит», – подумал Евгений Степанович с испугом, и сердцебиение его возобновилось. Рывкнула оглушительно сирена, и ему показалось, что это расколосось с треском багровое небо. Потом наступила тишина, и он слышал, как перекликались голоса внизу, журчала вода и кричал Басов в переговорную трубку:

– Малый ход!.. Запустить аварийный двигатель... Хорошо.

Навстречу потянуло горячим смрадным дуновением, и донесся монотонный могучий гул, словно где-то жарко топилась печь и ветер шумел в поддувале.

– Лево, еще лево! – неожиданно крикнул Евгений Степанович и торопливо украдкой перекрестился. – Так держать... Powestler